

УДК: 167+ 1(091)

DOI: 10.15372/PS20250308

EDN: OUPTXA

Н.В. Бряник**ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ИСТОРИИ НАУКИ Э. ГУССЕРЛЯ**

В постпозитивистской философии науки при всем разнообразии направлений достаточно общепризнана доминирующая тенденция – поворот философии науки к истории науки. Постпозитивистские трактовки истории науки (Т. Кун, И. Лакатос, К. Поппер и др.) созданы в явной или скрытой полемике с позитивистской концепцией эволюции, и тем самым остаются в концептуальных границах данной парадигмы. В этой связи представляют интерес те версии истории науки, которые выходят за пределы данной парадигмы. К их числу можно отнести концепцию Э. Гуссерля, в которой история науки рассматривается через призму генезиса дедуктивных наук (геометрии и математической физики): от возникновения изначального смысла до формирования научной традиции в этих теоретических науках, которая для каждого данного поколения ученых выступает в качестве «универсального априори истории». Возникновение математической физики в Новое время оценивается им как разрыв с предшествующей научной традицией, что означает кризис в науке, который сопровождается кризисом европейского человечества в целом. В статье на основе работ Э. Гуссерля по истории науки реконструируется система базовых понятий, воссоздающая феноменологическую версию истории науки.

Ключевые слова: Э. Гуссерль; философия науки; история науки; начало/истоки; смысл; язык; научная традиция; «универсальное априори истории»; кризис науки; научная рациональность

N.V. Bryanik**PHENOMENOLOGICAL INTERPRETATION
OF E. HUSSERL'S HISTORY OF SCIENCE**

In the postpositivist philosophy of science, with all the variety of directions, the dominant tendency – the turn of the philosophy of science to the history

of science – is quite generally recognized. Postpositivist interpretations of the history of science (T. Kuhn, I. Lakatos, K. Popper, etc.) are created in explicit or implicit polemics with the positivist concept of evolution; and thus remain within the conceptual boundaries of this paradigm. In this regard, those versions of the history of science that go beyond this paradigm are of interest. They include E. Husserl's concept, in which the history of science is viewed through the prism of the genesis of deductive sciences (geometry and mathematical physics) – from the emergence of the original sense to the formation of a scientific tradition in these theoretical sciences, which for each given generation of scientists acts as a “universal a priori of history”. The emergence of mathematical physics in the New Age is evaluated by him as a break with the previous scientific tradition, which means a crisis in science, which is accompanied by the crisis of European humanity as a whole. Based on E. Husserl's works on the history of science, the article reconstructs a system of basic concepts that recreates a phenomenological version of the history of science.

Keywords: E. Husserl; philosophy of science; history of science; beginning/origins; meaning; language; scientific tradition; “universal a priori of history”; crisis of science; scientific rationality

Введение: философия науки как история науки

В постпозитивизме, который претендует на преодоление недостатков логического позитивизма, работы по истории науки имеют особое значение: по сути, с 60–80-х гг. XX в. в философии науки происходит поворот от *логики науки* к *истории науки*¹. История науки становится доминирующим направлением, и в этом смысле не будет преувеличением признать, что философия науки становится историей науки. Один из тех, кто осознавал необходимость подобной переориентации философии науки, И. Лакатос, свою статью «История науки и ее рациональные реконструкции» начинает с утверждения: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [9, с. 203]. В этой парафразе известного изречения И. Канта заложена целая программа нового пути как философии науки,

¹ Проблематика истории науки одна из центральных тем в исследованиях таких представителей философии науки, как Дж. Агасси, Т. Кун, М. Полани, С. Тулмин, К. Поппер, Дж. Уоткинс, Дж. Холтон и др. Среди отечественных мыслителей можно назвать С.Р. Микулинского [10], Н.И. Родного [12], В.М. Найдыша [11], Н.И. Кузнецову [7] и др. Приведенные работы отечественных авторов подтверждают и время, и главную тему указанного поворота.

так и истории науки. История науки становится тем материалом, из которого конструируется философский образ науки. Но при этом история науки не может быть простым соединением хронологии, географии и биографии научных событий – она неизбежно подчиняется какой-то философско-методологической установке. Постпозитивистские версии истории науки преодолевают принцип эволюционизма позитивистской историографии науки², полагающийся на идеи закономерного прогресса, кумуляции, линейности, что Т. Куном квалифицировалось как антиисторизм [см.: 8, с. 16].

Как бы ни подчеркивали отличие своих концепций истории науки представители постпозитивизма, нельзя не признать, что при всех новациях они работают в границах проблемного поля, заданного позитивизмом, хотя и радикально пересматривают его. В этой связи не могут не вызывать интерес подходы, которые выходят за эти границы и принципиально по-иному видят историю науки. Один из таких философско-методологических подходов к истории науки предложен Э. Гуссерлем; он реализовал его в работах «Начало геометрии» (1936) и «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (1935–1936). Судя по годам написания этих работ, Э. Гуссерль размышлял над историей науки во времена полного господства в философии науки логического позитивизма. О потенциале предложенной им методологии свидетельствует тот факт, что его историко-научные изыскания вызывают интерес видных представителей западного постмодернизма³, а также отечественных философов⁴.

² Наиболее обстоятельно данный принцип представлен в работах: *Уэвелл В.* История индуктивных наук: от древнейших времен до настоящего времени. В 3-х т. Т. 1. СПб. 1867, 589 с.; *Конт О.* Дух позитивной философии. Либроком. 2012, 80 с.

³ Это можно подтвердить 200-страничным «Введением» Жака Деррида к 35-страничному тексту Э. Гуссерля «Начало геометрии».

⁴ Здесь уместно привести работы А.Э. Савина [13; 14], который обращается к трудам Э. Гуссерля по истории науки, но при этом он нацелен на выяснение гуссерлевского понимания истории и темпоральности бытия. У автора данной статьи также есть публикация, связанная с обращением к гуссерлевской истории науки [2], но контекстом и целью ее рассмотрения является поиск специфики феноменологического философствования в отношении науки, а не собственно сама история науки.

Не вызывает сомнения, что указанные выше работы Э. Гуссерля посвящены истории науки. Если в «Кризисе...» рассматривается становление *новоевропейского* типа научной рациональности на примере возникновения математической физики, то «Начало геометрии» имеет подзаголовок, конкретизирующий название – «Вопрос об истоке геометрии как интенционально-историческая проблема».

Оригинальность подхода Э. Гуссерля в том, что история науки предстает у него как история событий, происходивших в сознании творцов науки под влиянием определенных факторов и обстоятельств. Он воссоздает своеобразную *онтологию сознания* в ее историческом преломлении, которая сопровождается особыми *теоретико-познавательными* и *психологическими* феноменами, которые и являют собой результат деятельности сознания. Мы ставим перед собой задачу раскрыть особенности феноменологической концепции истории науки, воссоздав в логической последовательности систему ее базовых понятий.

1. История науки как поиск начала/истоков

Конкретизируем гуссерлевский подход, пошагово выстраивая его логику рассмотрения историко-научных событий и приводя используемый им понятийный аппарат (при этом будем делать акцент то на одной, то на другой из его историко-научных работ).

Во-первых, Э. Гуссерль претендует на уникальность предпринятого им подхода, заявляя это таким образом: «Наши исследования ... являются историческими в необычном смысле, а именно в том тематическом направлении, которое открывает совершенно чуждые обычной исторической науке глубинные проблемы» [5, с. 211]. Необычность его историко-научной методологии видится в том, что он пытается понять, каким образом смог возникнуть тот *геометрический смысл*, без которого невозможна геометрия как наука ни в ее истоках, ни в ее нынешнем состоянии. При этом он оговаривает, что геометрия для него всего лишь пример одной из частных наук, достигших теоретического уровня (он называет их дедуктивными науками), а значит его выводы приложимы ко всем этим наукам. Он отличает теоретико-дедуктивные науки от описательных, в отношении которых пишет: «Совсем иначе обстоит с так называемыми описательными нау-

ками, теоретический интерес которых остается в классификации и описании чувственной наглядности, заменяющей здесь очевидность» [5, с. 224].

Обращение к истокам теоретико-дедуктивных наук позволяет понять зарождение «изначальнейших смыслов» этих наук, которые сохраняются независимо от того, какие открытия в них совершаются.

Во-вторых, нельзя не задаться вопросом о том, каким образом и в виде чего существует этот «изначальнейший смысл» зарождающейся геометрии? Для ответа на этот вопрос стоит оживить знания хотя бы школьной геометрии, в которой изучались теорема Пифагора, параллельные прямые, прямоугольные, равнобедренные и прочие треугольники и многое другое. В нашей памяти всплывают идеальные образы названных геометрических фигур, а также правила их образования, преобразования и взаимозависимости. «Изначальнейший смысл» геометрии зарождался в виде *идеальных образов*, т.е. в виде того, что мы называем *идеями* – внутренними образами, существовавшими когда-то в сознании первооткрывателей и существующими в сознании наших современников.

Трактовка идеи (а вместе с ней идеального и идеализации) значима и для гуссерлевской философии в целом, и для понимания науки в частности. Отметим только одну из характеристик идей, важную для нашего изложения. Так, в работе «Кризис европейского человечества и философия» (1936) по поводу идей мы находим следующие рассуждения: «Идеи, свойственные человеку смысловые структуры удивительного нового рода, ...представляют собой нечто совершенно иное, чем реальные вещи... Создав первую концепцию идеи, человек становится совершенно новым человеком. Его духовное бытие вступает на путь постоянного обновления» [4, с. 108–109]. Что касается науки, то, называя идеи «продуктами науки», он описывает их так: «продукты науки ... имеют совсем другой способ бытия, совсем иную временность. Они не портятся, они непреходящи; ...в любом количестве повторений создается по отношению к одному и тому же человеку и к любому множеству людей тождественное себе то же самое, тождественное по смыслу и значимости. ...Одним словом, продукт науки не реальное, а идеальное» [4, с. 109].

Когда идет поиск изначального смысла геометрии, то ищутся именно идеи, возникшие в головах т.н. «первогеометров».

В силу указанного признака идей – сохраняться в своей тождественности вечно – они передаются с одним и тем же смыслом через века и тысячелетия. На этом настаивает Э. Гуссерль: от «первогеометров» передается не психическое состояние их души (это непередаваемо), а их духовные достижения в виде идей. И тогда не совсем важно, кто эти «первогеометры». Идеи рождает «живая наука», через них реализуется «бытие смыслов», они являют собой форму духовной активности, предстают как нечто «очевидное», как внутренний/смысловой образ для тех, кто является их носителями – этот ряд конкретизаций, используемых Э. Гуссерлем, может быть продолжен. Более строгое понятие, объединяющее разные аспекты возникшего геометрического смысла – это понятие *«идеальной предметности»* (линии, поверхности, треугольники и прочие идеализации).

Не может не возникнуть естественный вопрос: «А из чего рождаются идеи?» Задается вопросом о том, что «служит материалом для идеализирования» [5, с. 240] и интересующий нас мыслитель. Он показывает, что исходным материалом является непосредственно окружающий мир, его пространственно-временные формы во всем их многообразии. Вот его рассуждения на этот счет: «Геометрия и родственные ей науки имеют дело с пространственностью и возможными в ней формами, фигурами, формами движения, деформирующими преобразованиями и т.п., в особенности поскольку они являются измеримыми величинами. ...Это был мир “вещей”» [5, с. 240]. Замечание по поводу измеримости этих форм чрезвычайно важно, поскольку уточняет практическую значимость исходного для идеализации материала. И вот его гипотетические рассуждения о том, как шло преобразование практически значимых «вещных» форм в идеальные формы: «Сначала от образов вещей отделяются плоскости – более или менее “гладкие”, более или менее совершенные плоскости; ...более или менее чистые линии; углы – более или менее совершенные точки; затем, например, среди линий особо предпочитают прямые, среди плоскостей – ровные; например, из практических причин предпочитают прямоугольные доски... Так в практике начинает играть свою роль производство плоскостей и их усовершенствование (полировка)» [5, с. 241]. Исходный материал мира вещей, обслуживающих практическую жизнедеятельность, был преобразован в мир идеальных предметностей, поскольку «первогеометр» был одновре-

менно и философом, способным узреть в том, что его окружает, мир подлинного бытия и чистых сущностей, как тот бесконечный предел, к которому устремлен вещный мир.

В-третьих, в своей концепции Э. Гуссерль различает понятия «*идеальной предметности*» и «*идеальной объективности*»; хотя, казалось бы, предметность и объективность говорят об одном и том же. Необходимость различения данных понятий он формулирует как проблему: «Именно идеальных предметностей..., – пишет он, – касается ...наша проблема: как геометрическая (равно как и всех прочих наук) идеальность из своего изначального внутриличного истока, в котором она представляет собой образования в пространстве сознания души первого изобретателя, достигает своей идеальной объективности?» [5, с. 216]. Обратим внимание на словосочетание «пространство сознания души первого изобретателя»: вот что мыслитель рассматривает «пространство сознания» – это ли не онтология сознания? Что касается ответа на заданный им вопрос, то он краткий и одновременно, по сути, растянутый на всю статью, поскольку связан с принципиально значимым моментом в понимании происхождения науки, а именно: идеальная предметность обретает статус идеальной объективности «посредством языка» [5, с. 216]. И здесь мы должны сделать следующий шаг – раскрыть роль языка в возникновении и развитии науки.

В-четвертых. Даваемое объяснение не вызывает ни вопросов, ни возражений, поскольку оно очевидно: «языковое воплощение из лишь внутрисубъективного делает образование объективным, таким, что ... геометрическое понятие ... действительно становится для всех понятным и значимым в своем идеальном геометрическом смысле, уже в языковом выражении как геометрический дискурс» [5, с. 216]. Для Э. Гуссерля важны две функции языка, а именно: *коммуникативная*, позволяющая личности, индивидуальному субъекту пребывать, как он это называет, в «горизонте со-человечества», представленного либо современниками, либо предшествующими и последующими поколениями («цепь поколений»), и *репрезентативная*, описывающая положение дел в окружающем человека мире. Эти две функции неразрывно связаны между собой, что позволяет мыслителю включить в аргументацию о генезисе науки тему *интерсубъективности* знания. Вот один из таких аргументов: «В контакте вза-

имного языкового понимания первоначальное производство и произведение одного субъекта будет активно после-понято другими» [5, с. 230]. С помощью языка как средства идеальной объективации воспроизводятся с полной идентичностью идеальные предметности, а ведь однозначность и строгость значений математических понятий является отличительной чертой этой области науки. В продолжение цитированной мысли следует рассуждение, подтверждающее сказанное: «Произведения могут, сохраняя тождественность, распространяться от одного лица к его ближним, и в понятельной цепи этих повторений очевидное переходит как таковое в сознание другого. В единстве сообщающегося сообщества многих лиц многократно воспроизведенные образы будут осознаваться не как одинаковые, но как один общий» [5, с. 230].

В трактовке языка, ориентированной на раскрытие темы интерсубъективности, Э. Гуссерль ставит проблему, которая стала чрезвычайно актуальной и в наши дни. Суть ее он формулирует так: как обеспечить «устойчивое существование “идеальных предметов” ... тогда, когда первооткрыватель и его товарищи не вступают ... в контакт или вообще уже умерли. Им не хватает непрерывности бытия» [5, с. 230]. И ответ более чем современен – особое значение приобретает письменная фиксация идеальных предметностей: письменное языковое выражение «делает возможным сообщения без непосредственного или опосредованного личного обращения, ... оно есть ... виртуальное сообщение... Письменные знаки, если их рассмотреть чисто телесно, могут быть восприняты просто чувственно и всегда имеется возможность воспринять их совместно, межсубъектно. Но, будучи языковыми знаками, они ... вызывают соответствующие знакомые значения» [5, с. 230–231]. Здесь заявлено своеобразное предвосхищение событий новейшей информационно-компьютерной революции, которая погружает нас в мир виртуальной реальности.

В-пятых, тема интерсубъективности, помимо языкового аспекта, включает в себя то, что может быть отнесено к *феноменологической психологии*, которую Э. Гуссерль постоянно и настойчиво дистанцирует от эмпирической психологии. Здесь рассматриваются события, происходившие в сознании первооткрывателей в процессе формирования геометрических смыслов и их трансляции. При этом используется целый блок таких понятий как: пассивность/активность,

активация/реактивация, очевидность, ассоциации, смутное/темное/проясненное, воспоминание, ретенция и др. Даже неспециалисту понятно, что это подборка психологических понятий, но у Э. Гуссерля они нагружены онтолого-гносеологическим содержанием и контекстом.

Продемонстрируем описание им событийного ряда состояний сознания, их «подвижности», в которой раскрывается, как и в каком виде исходные смыслы сохраняются и прирастают новыми. Он пишет: «актуальная самоналичность первого произведения в его исходной очевидности не дает... стойкого достижения... Живая очевидность ... тотчас переходит в пассивность... В конце концов эта “ретенция” исчезает, но “исчезнувшее” ... не превращается для ... субъекта в ничто, оно может быть вновь пробуждено к жизни. В пассивность сначала темного пробужденного [содержания] ... входит и возможная активность повторного воспоминания, в котором прошлое переживание как бы заново и активно переживается. Теперь там, где ... есть обновленное... параллельно ... с необходимостью вступает активность попутного действительного производства» [5, с. 219]. В этом описании речь явно идет об индивиду как субъекте-творце, но подлинным творцом «живой науки», по Э. Гуссерлю, становится «открытая цепь поколений, сотрудничающих друг с другом и друг для друга индивидов» [5, с. 214]. Соответственно, в сознании других с помощью языка могут быть реактивированы подобные состояния.

В совокупности событий сознания, продуцирующих идеальные предметности дедуктивных наук, особую роль он отводит логике, называя ее «логической активностью». Объясняется это тем, что языковая объективация идеальных предметностей реализуется в формате предложений, связь между которыми и осуществляется благодаря логической активности. Вот одно из пояснений, касающихся логики: «отправляясь от перво-очевидностей, изначальная подлинность должна разрастаться в ... длинную цепь логических следствий» [5, с. 227].

2. Формирование научной традиции и «универсальное априори истории»

В-шестых. Знакомство с историко-научными изысканиями Э. Гуссерля заставляет признать, что в качестве факторов, определяющих формирование геометрических смыслов (соответственно, и смыслов

всех частных дедуктивных наук), он рассматривает не только событийные состояния сознания и их языковые воплощения, но и *факторы культуры*. В этой связи применительно к науке он высказывает ряд оригинальных соображений. Поясним, в чем они заключаются. Обращение к истокам/началу геометрии он называет «встречным вопрошанием» из «готовой геометрии», которая возникла на основе *традиции*; Э. Гуссерль активно использует данное понятие и производные от него неологизмы типа «традирование», «традирующий». «Нынешнюю, по традиции дошедшую до нас геометрию ... мы понимаем, исходя из совокупного достояния духовных результатов, которое пополняется... в новых духовных актах» [5, с. 213], – утверждает он. История любой науки предстает у него в виде лестницы, каждая ступень которой несет в себе «идеальный бытийный смысл», который вбирает в себя смысл предыдущей ступени; и тогда получается, что «смысл зиждется на смысле», и «ни одно звено в духовном строении не самостоятельно» [5, с. 224].

Культурологический подход к истории науки означает для него рассмотрение науки как полагания смыслов. И мы видим, как вводятся в оборот такие слова как «смыслообразование» и «смыслооседание», с помощью которых раскрывается механизм формирования *научной традиции*. Значимость подобного подхода им самим определяется так: «Наши принципиальные выводы столь всеобщи, что распространяются на все ... дедуктивные науки... Ведь все [эти науки] обладают той подвижностью осевших традиций, с которыми вновь и вновь работает традирующая активность, производя новые смысловые образования. Таким своим способом существования они постоянно распространяются на все эпохи» [5, с. 231].

Культурологический подход, кратко обрисованный выше, позволяет обозначить оригинальность его позиции и в понимании *принципа историзма*. И это будет наш следующий шаг.

В-седьмых. Подвергая критике, как он его называет, «историзм», представляющий историю как историю фактов, он претендует на глубинное ее понимание, приложимое и к истории науки. Если «история есть ... живое движение совместности и встроенности друг в друга изначального смыслообразования и смыслооседания» [5, с. 235], то сформированная в этом процессе научная традиция представляет собой, по словам Э. Гуссерля, «универсальное Априори ис-

тории». Именно поэтому, считает он, «геометрия со всеми своими истинами справедлива с безусловной всеобщностью для всех людей, всех времен, всех народов... не только исторически фактических, но и для всех вообще мыслимых» [5, с. 243]. Универсальное априори истории концентрирует в себе искомый геометрический смысл (а также смыслы любых частных наук), и всякий освоивший его, а значит, подключившийся к данной научной традиции, способен изобретать новые смыслы в данной области и быть ее творцом.

Э. Гуссерль ввел данный концепт, противопоставляя свое понимание науки как феномена культуры культурно-историческому подходу О. Шпенглера, который отрицал всякую всеобщность и универсальность в науке, поскольку считал ее зависящей от времени и места существования. Для Э. Гуссерля, напротив, важна роль научной традиции как фактора культуры именно в формате универсального априори в истории науки.

В-осьмых, для всякого, кто обращается к истории науки, неизбежно возникает вопрос о направленности изменений, происходящих в науке. В случае с Э. Гуссерлем это вопрос о том, куда ведет движение смыслов. В его работах дается неоднозначный ответ. С одной стороны, достаточно часто фигурируют оценки о *познавательном прогрессе* в дедуктивных науках и науке в целом, но с другой, обращает на себя внимание название одной из упомянутых в самом начале работ мыслителя – «Кризис европейских наук...», к которой можно присоединить статью «Кризис европейского человечества и философия» и другие его произведения, поскольку наука всегда была в центре его размышлений. Кризис он констатирует таким образом: «...все без исключения науки нового времени ... испытывают своеобразный кризис... это – кризис, который не понятен ученым-специалистам, кризис, который потряс весь смысл науки» [3, с. 58]. Но ведь прогресс и кризис, да еще заявленного масштаба, явно несовместимы.

Речь идет о кризисе науки Нового времени, и для его обоснования выстраивается целая концепция, которая вписывается в ранее рассмотренные положения истории науки, по Э. Гуссерлю, и является их продолжением. Подтверждением тому служит сам замысел «Кризиса европейских наук ...»: его интересует процесс *зарождения* новой науки, поскольку именно в этот период, по его мнению, были заложены

жены предпосылки для кризиса. Один из фрагментов данной работы носит название «Фундаментальное значение проблемы генезиса математического естествознания» [3, с. 92]. Математическое естествознание как область научного знания впервые появляется в Новое время; оно становится образцом для всех остальных областей, в том числе и для наук о духе. Сопровождаются эти процессы тем, что были поставлены под вопрос существовавшие ранее критерии научности, а также правомерность используемой методологии и, ни много ни мало, значимость науки в человеческой жизни. По оценке мыслителя, кризис явно и масштабно заявил о себе в начале XX столетия, но он стремится понять его истоки и с этой целью обращается к истории науки: «Исторический экскурс необходим для того, чтобы достичь самопонимания, столь необходимого для современной философской ситуации, чтобы прояснить *возникновение духа нового времени* и вместе с этим – вследствие недостаточно оцененного значения математики и математического естествознания – уяснить происхождение этих наук» [3, с. 93]. При рассмотрении генезиса новоевропейской науки он использует уже знакомый нам понятийный аппарат об «изначальном смыслообразовании», а также о «наследуемом последующем смысле», традиции и пр., но все это уже происходит не в геометрии, а в естествознании, в первую очередь в физике.

Главное отличие науки Нового времени он видит в том, что она нацелена на практические приложения, а не для того, чтобы, как это было в античной науке (органично слитой с философией), умом зреть подлинную суть бытия и рефлексировать о месте человека в нем. Практическое приложение достижений науки оказалось возможно потому, что наука стала полагаться на факты, на основе которых в конечном счете устанавливаются математические зависимости и законы, с помощью которых обеспечивается предсказуемое существование европейского человечества. Характеризуя достижение современной ему науки эпитетом «исключительное» – ведь ей обязано европейское человечество своим «благополучием» – он одновременно заявляет: «Наука, понятая лишь как эмпирическая наука, формирует лишь сугубо эмпирически-ориентированных людей. Переворот в общественной оценке науки был неизбежен; особенно после окончания мировой войны. ... Наука – и это постоянно можно слышать – ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она

в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, ... а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования» [3, с. 53].

В науке Нового времени оказалась нарушенной традиция, произошел «смысловой сдвиг» и возник *новый тип научной рациональности*, который, по словам Э. Гуссерля, объединяет классическую и неклассическую науку, является общим для Г. Галилея и А. Эйнштейна. *Критерием научности* становится достижение *объективной истины* – именно наука позволяет преодолеть субъективность и релятивность представлений об окружающем человека жизненном мире. *Методом* достижения объективных представлений становится *математизация*. Точными математическими зависимостями схватываются уже не только пространственно-временные отношения, но все многообразие качеств и свойств окружающего мира: от звуков и цветов до освещенности/затемненности, гладкости/шероховатости поверхностей и пр., т. е. все чувственно воспринимаемое богатство этого мира. Природа превращается в «математический универсум»; мы ее мыслим как объективную, подчиняющуюся строгим законам, в которых раскрываются причинно-следственные зависимости, и противостоящую субъективному миру человеческих ценностей и идеалов. Подытоживает он значимость нового метода такой оценкой: «...ученые замещают жизненный мир, придавая ему покров “объективной, действительной и истинной” природы. Одевание идей создает то, что мы принимаем за *истинное бытие*, которое на деле есть метод» [3, с. 88].

Но тогда в чем заключается кризис нового типа научной рациональности? Познание природы, истинные представления о действительной природе сводятся к тому, что наработано методом, все достоинство которого в технологичности и возможности получения предсказуемых результатов. «Математизация, реализующаяся в формулах, оказывается процедурой, решающей для жизни» [3, с. 82], – подытоживает Э. Гуссерль. Он называет подобное состояние науки «технизацией мышления», и оно его не устраивает, так как «природа сама по себе полностью нематематизирована» [3, с. 91]. С точки зрения движения смыслов, технизация мышления – это «выхолащивание» и «опустошение» смыслов; оставляется в стороне и предается забвению тот жизненный мир, который, по сути, и породил потреб-

ность в этом новом типе научной рациональности. Отсюда и название одного из параграфов – *«Жизненный мир как забытый смысловой фундамент естествознания»* [3, с. 86]. Будем при этом учитывать, что данный параграф – это всего лишь маленький фрагмент большого раздела рассматриваемой книги, который носит впечатляющее название – *«Кризис наук как выражение радикального жизненного кризиса европейского человечества»* [3, с. 51].

Что означает для него кризис европейского человечества, можно узнать из ранее упомянутой статьи [4]. Завершает он свои размышления в данной статье по поводу заявленной глобальной темы таким выводом: *«...в столь многих симптомах жизненного распада подтвержденный “кризис европейского существования” ... становится понятным ... на фоне ... телеологии европейской истории.* Однако предпосылкой этого понимания должно стать усмотрение феномена “Европа” в его центральном сущностном ядре. Чтобы постичь протivoестественность современного “кризиса” ... нужно понять, как европейский “мир” был рожден из идеи разума, т.е. из духа философии» [4, с. 126]. При поверхностном восприятии происходящего интеллектуалы – современники событий – связывают «кризис» с «крушением рационализма». Э. Гуссерль не согласен с такой оценкой, он считает, что «причина затруднений рациональной культуры заключается ... не в сущности самого рационализма, но лишь в его овнешнении, в его извращении “натурализмом” и “объективизмом”» [4, с. 126]. Натурализм, объективизм и, в этом же ряду, историцизм – все это вырастает из изначального смыслообразования новоевропейской науки – из математизированного естествознания. И тогда мы попадаем в своеобразный объяснительный круг, а именно: кризис европейских наук он рассматривает как отражение кризиса европейской культуры/человечества в целом, а кризис культуры в своем сущностном ядре объясняет кризисом того типа научной рациональности, который сложился в Новое время.

Свою позицию он заявляет на фоне нашумевших прогнозов в отношении будущего Европы, таких, например, как в «Закате Европы» О. Шпенглера. Позиция самого Э. Гуссерля звучит достаточно пафосно: «Есть два выхода из кризиса европейского существования: закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство, или же возрождение Евро-

пы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума» [4, с. 126]. Феноменологическая философия науки Э. Гуссерля претендует на преодоление натурализма/объективизма/историцизма тем, что она органично подключается к формированию предмета и методов частных наук, противопоставляя «фактопоклонству» смыслы и самопонимание [см.: 1, гл. 3].

Заключение

Подводя итог феноменологической версии истории науки, можно отметить, что особенность ее в обращении к истокам науки, выяснении тех смыслов, в которых она возникает и на основе которых формируется научная традиция, выступающая перед каждым данным поколением ученых как универсальное априори истории. В развитии науки в Новое время происходит смысловой сдвиг, что означает разрыв с предшествующей научной традицией и возникновение нового типа научной рациональности, объединяющей классическую и неклассическую науку. Математизация естествознания и вырождение ее в технизацию мышления оценивается мыслителем как кризис европейской науки, который рассматривается как выражение и сопровождение кризиса европейского человечества.

Феноменологическая концепция истории науки наполнена глубокими смыслами, которые, безусловно, несут в себе возможность различных интерпретаций, позволяющих увидеть и современную науку в новом свете. Мы попытались представить лишь некоторую схему данной концепции и минимальную систему ее базовых понятий.

Литература

1. *Брянник Н.В.* Неклассическая философия науки: монография. М.: Академический проект, 2020. 300 с.
2. *Брянник Н.В.* Э. Гуссерль о смысле науки в контексте современной философии и истории науки // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 51–60.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Эдмунд Гуссерль, Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 51–100.
4. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия / Эдмунд Гуссерль, Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 101–126.

5. Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М.: Ad Marginem, 1996. 268 с.
6. Конт О. Дух позитивной философии. Изд-во Либроком. Серия: Из наследия мировой философской мысли. История философии, 2012. 80 с.
7. Кузнецова Н.И. Наука в ее истории (Методологические проблемы). М.: Наука, 1982. 128 с.
8. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
9. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203–269.
10. Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. 384 с.
11. Найдьши В.М. Наука древнейших цивилизаций. Философский анализ. М.: Альфа-М, 2012. 576 с.
12. Родный Н.И. Очерки по истории и методологии естествознания. М.: Наука, 1975. 424 с.
13. Савин А.Э. Концепция историчности жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля // Вопр. философии. 2008. № 5. С. 127–139.
14. Савин А.Э. О понятии интенциональной истории у «позднего» Гуссерля // Филос. науки. 2008. № 10. С. 121–130.
15. Уэвелл В. История индуктивных наук: от древнейших времен до настоящего времени. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Изд-во «Русской книжной торговли», 1867. 589 с.

References

1. Bryanik, N.V. Neklassicheskaya filosofiya nauki: monografiya [Non-classical philosophy of science: a monograph], Moscow, Akademicheskij Proekt, 2020, 300 p. (In Russ.).
2. Bryanik, N.V. E. Husserl on the Meaning of Science in the Context of Contemporary Philosophy and History of Science. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2017, No. 4. P. 51–60. (In Russ.).
3. Husserl, E. Krizis evropejskix nauk i transcendental'naya fenomenologiya [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology] / E'dmund Gusserl', Filosofiya kak strogaya nauka [Edmund Husserl, Philosophy as a rigorous science], Novocherkassk, 1994, 357 p. P. 51–100. (In Russ.).
4. Husserl, E. Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofiya [The Crisis of European Mankind and Philosophy] / E'dmund Gusserl', Filosofiya kak strogaya nauka [Edmund Husserl, Philosophy as a rigorous science], Novocherkassk, 1994, 357 p. P. 101–126. (In Russ.).
5. Husserl, E. Nachalo geometrii. Vvedenie Zhaka Derrida [Nachalo geometrii. Vvedenie Zhaka Derrida], Moscow, Izd-vo Ad Marginem, 1998. 268 p. (In Russ.).
6. Comte, O. Dухи pozitivnoj filosofii. Slovo o polozhitel'nom my'shlenii [The Spirit of Positive Philosophy. A word about positive thinking]. Moscow, Izd-vo: Librokom, 2016. 80 p. (In Russ.).

7. *Kuznetsova, N.I.* Nauka v ee istorii (Metodologicheskie problemy') [Science in its history (Methodological problems)], Moscow, Nauka, 1982. 128 p. (In Russ.).

8. *Kuhn, T.* Struktura nauchny'x revolyucij [The structure of scientific revolutions], Moscow, Progress, 1975. 288 p. (In Russ.).

9. *Lakatos, I.* Istoriya nauki i ee racional'ny'e rekonstrukcii [The history of science and its rational reconstructions] // Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskix issledovanij po filosofii nauki [Structure and development of science. From the Boston Studies in Philosophy of Science], Moscow, Progress, 1978. 487 p. P. 203. (P. 203–269). (In Russ.).

10. *Mikulinsky, S.R.* Oчерки razvitiya istoriko-nauchnoj my'sli [Essays on the development of historical and scientific thought] Moscow, Nauka, 1988, – 384 p. (In Russ.).

11. *Naidysh, V.M.* Nauka drevnejshix civilizacij. Filosofskij analiz [The science of ancient civilizations. Philosophical analysis], Moscow, Al'fa-M, 2012. 576 p. (In Russ.).

12. *Rodny, N.I.* Oчерки po istorii i metodologii estestvoznaniya [Essays on the history and methodology of natural science], Moscow, Nauka, 1975. 424 p. (In Russ.).

13. *Savin, A.E.* Kontseptsiya istorichnosti zhiznennogo mira v transsentsental'noy fenomenologii Edmunda Gusserlya [The Concept of Historicity of the Life-World in Edmund Husserl's Transcendental Phenomenology]. Voprosy filosofii, 2008. No. 5. P. 127–139. (In Russ.).

14. *Savin A.E.* O ponyatii intentsional'noy istorii u “pozdnego” Gusserlya [On the Concept of Intentional History in Husserl's Late Works]. Filosofskie nauki, 2008. No. 10. P. 121–130. (In Russ.).

15. *Whewell, V.* Istoriya induktivny'x nauk: ot drevnejshix vremen do nastoyashhego vremeni [The history of inductive sciences: from ancient times to the present], V 3-x t. T.1. [In 3 volumes, vol. 1], SPb., Izd. “Russkoj knizhnoj trgovli”, 1867. 589 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Брянник Надежда Васильевна – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, просп. Ленина, 51).

n.v.brianik@urfu.ru

Information about the author

Bryanik, Nadezhda Vasilyevna – First President of Russia B.N. Yeltsin Ural Federal University (51, Lenina av., Ekaterinburg, 620000, Russia).

n.v.brianik@urfu.ru

Дата поступления 20.03.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.